

Американская военная доктрина в современных условиях

КРИВОПАЛОВ Алексей Алексеевич

История показывает, что особая склонность к скрупулезной формализации большой стратегии — черта во многом чисто англосаксонская. Во всяком случае, модное, хотя и изрядно замусоренное, понятие «доктрина» пришло и в русскую, и в германскую военную традицию в значительной степени именно из американского военного лексикона¹. В этом нет ничего странного. Военная культура, как и культура вообще, в высших своих формах глубоко национальна. Русская традиция понимает войну скорее как науку; немецкая традиция — скорее как форму искусства; французская — как интеллектуальный поединок; англосаксонская — как совокупность сложных организационных проблем.

Своя уникальная большая стратегия имеется у любого крупного государства, претендующего на самостоятельную политическую роль в существующей системе международных отношений. Чтобы следовать такой стратегии, по большому счету совершенно не обязательно даже знать о ее существовании. Тем не менее мода на тщательно прописанные и строго формализованные доктринальные документы пришла в нашу страну после 1991 г. именно из США. Хотя не следует забывать и о том, что публично анонсируемые в различных доктринальных документах приоритеты могут значительно расходиться с истинной

¹ См.: Corum J.S. The roots of blitzkrieg: Hans von Seeckt and German military reform. University Press of Kansas, 1994.

иерархией угроз, которая лежит в основе реальных военных приготовлений. Например, в официальных российских документах отсутствуют упоминания о возможной военной угрозе со стороны КНР, в то время как реальное военное строительство, конечно, не может не учитывать такую угрозу².

То же справедливо и в случае с Америкой. Анализ как фактического содержания, так и умолчаний, имеющих в такого рода документах, может быть весьма полезен для заинтересованного наблюдателя. Для примера мы рассмотрим и сравним «Национальные военные доктрины» от 2011 и 2015 гг., а также «Стратегию национальной безопасности» США от 2015 г.

Если говорить о форме, то их стиль очень не похож на отечественный. В отличие от бесцветного и кондового русского бюрократического новояза, американские военно-политические декларации написаны ярко, эмоционально и образно. По словам Б.Обамы, общая траектория, общая цель внешней политики Белого дома — это такой мир, где Америка продолжает лидировать. С его точки зрения, США до конца нынешнего века останутся такой же «незаменимой страной, какой были в прошлом столетии»³.

«Мы будем лидировать с позиции силы, — гласит «Стратегия национальной безопасности». — После трудного десятилетия Америка становится сильнее день ото дня. Американская экономика остается самой динамичной и устойчивой в мире. Мы вышли из глобальной рецессии и вступили в полосу подъема, создавая у себя в США больше рабочих мест, чем создают все прочие передовые экономики вместе взятые. Мы обладаем непревзойденной военной мощью. Однако американская исключительность зиждется не только на силе нашего оружия и экономики. Прежде всего это продукт наших основополагающих ценностей, включая власть зако-

² Барабанов М., Макиенко К., Пухов Р. Военная реформа: На пути к новому облику российской армии. Аналитический доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2012. С. 9.

³ Obama. The Vox Conversation. Part II. Foreign Policy // <http://www.vox.com/a/barack-obama-interview-vox-conversation/obama-foreign-policy-transcript>

на и всеобщие права, а также упорство, талант и разнообразие американского народа»⁴.

«Прежде всего, — обещают авторы, — мы будем лидировать целеустремленно. Американское лидерство — это глобальная сила добра, но оно зиждется на наших непреходящих национальных интересах, на что указывает наша Стратегия национальной безопасности от 2010 года»⁵.

И, наконец, провозглашается: «(...) Все это мы будем делать с уверенностью, что международная система, создание которой мы возглавили после Второй мировой войны, будет и впредь надежно служить Америке и всему миру»⁶.

Тем не менее сквозь толстый слой оптимистической риторики все же проступают контуры вполне реальных стратегических проблем. «На всех фронтах, — утверждает президент Б.Обама в преамбуле «Стратегии национальной безопасности», — Америка лидирует с позиции силы. Однако это не означает, что мы можем и должны диктовать миру траекторию всех происходящих в нем событий. Хотя мы сильны и останемся сильными, наши ресурсы и влияние не безграничны. В нашем сложном мире многие проблемы безопасности, с которыми мы сталкиваемся, не имеют быстрых и легких решений. Соединенные Штаты всегда будут защищать свои интересы, сохраняя свою приверженность союзникам и партнерам. Но нам приходится принимать трудные решения среди многих входящих в противоречия приоритетов. И мы должны всегда избегать перенапряжения сил, которое наступает тогда, когда мы принимаем решения, основанные на страхе. Более того, мы должны признать, что мудрая стратегия национальной безопасности зиждется не только на военной мощи. На самом деле в перспективе наши усилия по налаживанию совместной работы с другими странами в противодействии идеологии и первопричинам насильственного экстремизма станут важнее, чем наши возможности по уничтожению террористов на поле боя»⁷.

⁴ National security strategy. February, 2015. P. 3.

⁵ Ibid. P. 2.

⁶ Ibid. P. 29.

⁷ Ibid. P. II.

И далее: «(...) В меняющейся глобальной среде мы и впредь будем руководствоваться этими национальными интересами во всем, что бы мы ни делали в мире. Чтобы эффективно отстаивать эти интересы, нам надо проводить в жизнь всестороннюю программу по обеспечению национальной безопасности, соответствующим образом распределять ресурсы и работать вместе с Конгрессом над прекращением секвестирования. И тем не менее наши ресурсы никогда не будут безграничными. Нам придется идти на политические компромиссы и принимать трудные решения. В таких случаях мы будем в приоритетном порядке осуществлять те действия, которые устраняют главные стратегические опасности для наших интересов»⁸.

Итак, Обама робко констатирует, что даже американские ресурсы не безграничны. Однако дистанция между этим признанием и практическими шагами, нацеленными на то, чтобы избежать перенапряжения сил, по-прежнему остается огромной. Сохранить статус глобального лидера без перенапряжения сил можно двумя способами: или разумно сокращая сферу своей деятельности и соответственно тратя меньше средств, или уменьшая расходы, вовлекая в реализацию своих планов других игроков, заставляя их финансировать предложенную программу. В последнем случае все участники должны получить свою выгоду, но основной выигрыш должен достаться главному организатору. Соединенные Штаты пытаются утвердить именно такой формат отношений с ведущими мировыми державами и другими участниками мировой политики⁹.

Не секрет, что американская внешняя политика, как правило, обладает избыточной идеологической нагрузкой. Более того, как подметил современный американский мыслитель и военный историк Э.Люттвак, широко разветвленный бюрократический аппарат современных государств сам по себе является препятствием воплощению любой всеобъемлющей схемы большой стратегии. Организация современ-

⁸ National security strategy. February, 2015. P. 2.

⁹ Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике. М., 2012. С. 127.

ных государств представляет собой необходимое оружие, но одновременно с этим — и мощное препятствие воплощению в жизнь нормативной большой стратегии¹⁰.

Лишь очень сильный государственный деятель мог бы в таких условиях целенаправленно осуществлять циничную и прагматичную политику, ставящую эгоистические национальные интересы превыше идеалистических ценностей. Нынешнее поколение американских лидеров, как следует из текста вышеприведенных доктрин, к таковым не относится. «Как и всегда, — провозглашают авторы, — нашими ближайшими союзниками в этих усилиях будут остальные демократические государства. Но даже если стратегические интересы США будут требовать, чтобы мы сотрудничали с государствами, не разделяющими наши ценности, мы все равно будем активно выступать в защиту прав человека и человеческого достоинства в рамках публичной и частной дипломатии. Та поддержка, которую мы станем оказывать, будет иметь сбалансированный характер и строиться с учетом ущерба, наносимого репрессивной политикой нашим интересам безопасности и демократическим ценностям, в соответствии с которыми мы живем»¹¹.

Как видно, лидеры самой могущественной страны мира не только заставляют догмы идеологии работать на пользу США, но, по иронии судьбы, сами активно работают на эти догмы. «Одной из основных дилемм, которая стоит именно сейчас перед имперской политикой Соединенных Штатов, — по меткому наблюдению немецкого историка Х.Мюнклера, — является расхождение между признанием ненужности дальнейшей экспансии и боязнью, что это будет воспринято другими как проявление слабости. Трудно отказаться от империалистической цивилизаторской, гуманитарной миссии, распространяющей ценности, на которых основывается идентичность империи, так чтобы и население, и соседи не сочли это свидетельством упадка»¹².

¹⁰ Люттвак Э. Стратегия. Логика войны и мира. М., 2012. С. 324.

¹¹ National security strategy. February, 2015. P. 19.

¹² Цит. по: Маначинский А.Я., Дудчак А.В. Военный потенциал Китая. Центр стратегической конъюнктуры. М., 2015. С. 169.

Что же изменилось в американской стратегии, вернее в тех документах, где она отображена, за последние годы? «Международная обстановка в сфере безопасности сегодня, — утверждает председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал М.Дэмпси, — самая непредсказуемая за все 40 лет моей службы. С тех пор как в 2011 году была опубликована последняя Национальная военная стратегия, порядок в мире значительно ослабел, и наши военные преимущества начали уменьшаться»¹³.

Считается, что ни одна из крупных стран мира не стремится к прямой военной конфронтации с США или с их союзниками. Тем не менее в Вашингтоне полагают, что каждая из них представляет серьезную угрозу их безопасности¹⁴. Анализ современной глобальной обстановки свидетельствует о низкой вероятности развязывания крупномасштабной войны. При этом США стремятся любой ценой сохранить за собой статус единственной сверхдержавы¹⁵. Авторы доктрин призывают уделять повышенное внимание защите территории США и усиливать боеготовность стратегических ядерных сил, которые в прошлые годы оказались в некотором пренебрежении. В отношении возможного применения ядерного оружия утверждается приверженность концепции второго (ответного) удара.

Американские стратеги исходят из того, что применение военных средств против угроз со стороны государств очень сильно отличается от применения военной силы против угроз со стороны негосударственных игроков. «Скорее всего, — полагают они, — нас ждут продолжительные кампании, а не быстро разрешаемые конфликты. Управлять и сдерживать эскалацию таких конфликтов будет труднее, но гораздо важнее. А чтобы иметь механизмы защиты от непредсказуемости, обладая меньшими ресурсами, мы должны будем перестраивать свою глобальную военную концепцию и оперативно-стратегические планы»¹⁶.

¹³ The national military strategy of the United States of America. The United States military's contribution to the national security. June, 2015. P. 1.

¹⁴ Ibid. P. 2.

¹⁵ Молчанов Г. Военно-политическая обстановка в различных регионах мира // Зарубежное военное обозрение. 2015. № 1. С. 3.

¹⁶ The national military strategy of the United States of America. The United States military's contribution to the national security. June, 2015. P. 1.

США намерены и дальше бороться против «Исламского государства» и других международных террористических организаций. Предполагается также помогать в этом иракскому правительству и умеренным силам сирийской оппозиции, но не режиму Б.Асада, поскольку это, очевидно, повлечет за собой окончательную дискредитацию моральных императивов американской внешней политики на Ближнем Востоке.

Сегодня вероятность участия США в межгосударственной войне с крупной державой оценивается как низкая, но она увеличивается. Если такая война произойдет, ее последствия будут колоссальными. Экстремистские же организации, напротив, создают прямую и непосредственную угрозу международной безопасности, объединяя вполне доступные технологии со своей непримиримой идеологией¹⁷.

В вопросе дальневосточного поворота американской внешней политики провозглашается необходимость укрепления безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. США предполагают на десятилетия вперед сохранить сильное военное присутствие в Северо-Восточной Азии. Декларируется намерение и далее поддерживать дружественные, ровные и партнерские отношения с Китаем. При этом подразумевается, что было бы желательно, если бы Пекин согласился принять на себя часть ответственности за поддержание стабильности в регионе.

«Хотя конкуренция будет обязательно, — гласит «Стратегия национальной безопасности», — мы не верим в неизбежность конфронтации. В то же время конкуренцией мы будем заниматься с позиции силы, настаивая на том, чтобы Китай соблюдал международные нормы и правила в самых разных вопросах, от безопасности на море до торговли и прав человека. Мы будем пристально следить за военной модернизацией Китая и за расширением его присутствия в Азии»¹⁸.

¹⁷ The national military strategy of the United States of America. The United States military's contribution to the national security. June, 2015. P. 4.

¹⁸ National security strategy. February, 2015. P. 24.

Подобные взаимоисключающие императивы в отношении США к Пекину, которые видны даже в документах, ориентированных на широкую публику, производят двойное впечатление. Казалось бы, американские аналитики признают, что Китай — это не СССР, который создавал отдельную и независимую от Запада сферу влияния, в которой он доминировал политически и которую контролировал экономически, поэтому его не следует воспринимать как Советский Союз XXI века¹⁹. «Мы поддерживаем, — уверяют авторы доктрины, — усиление Китая и призываем его стать партнером в укреплении международной безопасности. Однако действия Китая ведут к усилению напряженности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Например, его притязания почти на все Южно-Китайское море противоречат нормам международного права. Мировое сообщество продолжает призывать Китай решать такие вопросы в сотрудничестве с другими странами и без мер принуждения. Китай в ответ на это активно проводит расширение и освоение прибрежной полосы, что позволит ему размещать военные силы вдоль важных международных морских путей»²⁰.

В мире по-прежнему существуют лишь две страны, способные нанести США неприемлемый ущерб, — Китай в экономической и Россия в военной сфере. Разница состояла в том, что после 1991 года США питали надежду лишить Россию такой возможности, направляя на это политику в течение 20 лет после распада СССР. В отношении Китая такая перспектива виделась весьма проблематичной. Более приемлемым казалось достижение с ним некой взаимоприемлемой договоренности. Поэтому если в политике США в отношении КНР преобладали планы приближения и вовлечения в разные международные структуры, в основном контролируемые США, то в отношении России такой установки не было. Была надежда на то, что дальнейшее ослабление нашей страны будет неизбежно происходить естественным,

¹⁹ Kelly T.K., Dobbins J., Shlapak D.A., Gompert D.C., Heginbotham E., Chalk P., Thrall L. The U.S. Army and Asia, 2030–2040. RAND Corporation. Santa Monica, 2014. P. 40.

²⁰ The national military strategy of the United States of America. The United States military's contribution to the national security. June, 2015. P. 2.

эволюционным путем, поэтому привлекать и вовлекать ее в подконтрольные Западу международные институты по-настоящему не обязательно²¹.

«Мы не позволяем нарушителям влиять на нашу региональную стратегию, используя те непосредственные угрозы, которые они создают», — утверждают авторы, недвусмысленно намекая на Россию²². Если в 2011 году Соединенные Штаты провозглашали намерение расширять сотрудничество с Москвой и приветствовали ее роль в сохранении безопасности и стабилизации в Азии²³, то сегодня американская риторика резко ужесточилась.

В контексте гражданской войны на Украине провозглашается: «(...) Мы будем также наращивать издержки для России посредством санкций и прочих мер, противопоставляя лживой московской пропаганде ничем не прикрашенную правду»²⁴. В этом смысле небывалую откровенность проявил летом 2015 г. прибывший с визитом в Европу министр обороны США Эштон Картер. Он признался, что США и НАТО настроены на долговременные острые разногласия с Россией. Россия, заявил министр, не может измениться ни при Путине, ни даже после его ухода. Выступая в Берлине, глава Пентагона подчеркнул: «Запад не позволит России тащить нас в прошлое. Москве не будет разрешено иметь ту сферу влияния на другие страны, которая была в советскую эпоху». Министр констатировал, что экономические санкции против России не заставили ее изменить свою внешнюю политику, а раз так, дальнейшие шаги Вашингтона по оказанию давления на Москву должны быть не только политическими, но и военными. «С Москвой лучше разговаривать с позиции силы», — поддержала своего коллегу министр обороны ФРГ Урсула фон дер Ляйен в памятный для российско-германских отношений день 22 июня²⁵.

²¹ Шаклеина Т.А. Указ. соч. С. 211.

²² National security strategy. February, 2015. P. 23.

²³ The National military strategy of the United States of America. Redefining America's military leadership. 2011. P. 13.

²⁴ National security strategy. February, 2015. P. 25.

²⁵ Б.а. Угрозы // Зарубежное военное обозрение. 2015. № 7. С. 103.

«Что касается сферы межгосударственных конфликтов, — разъясняют свою позицию авторы доктрины, — то нарушение Россией украинского суверенитета и территориальной целостности, а также ее враждебное отношение к другим соседним государствам создают угрозу международным нормам, которые мы после окончания холодной войны воспринимаем как должное»²⁶.

При этом, однако, американцы были вынуждены зафиксировать и те конструктивные моменты, которые несмотря ни на что все еще сохраняются в повестке дня российско-американских отношений. «Россия, — с точки зрения Вашингтона, — вносит свой вклад в определенные сферы безопасности, такие как борьба с наркотиками и с терроризмом, однако она неоднократно демонстрировала неуважение к суверенитету соседей и готовность применять силу для достижения своих целей. Россия своими военными действиями подрывает региональную безопасность напрямую и опосредованно через своих ставленников. Эти действия являются нарушением многочисленных подписанных Россией соглашений, в которых она обязалась действовать в соответствии с нормами международного права, таких как Устав ООН, Хельсинкские соглашения, основополагающий акт Россия — НАТО, Будапештский меморандум и Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности»²⁷.

В годы Холодной войны, отметил в своем мрачном прогнозе Э.Люттвак, взаимозависимая мощь СССР и США обеспечивала системе международных отношений некоторое равновесие. Теперь, когда СССР больше нет, нет и никакого равновесия. Есть лишь многомерное американское верховенство, не знающее никаких прецедентов во всей истории человечества, и оно нуждается только в глобальной стратегии усиления мощи, работающей исключительно на успех США и сурово угнетающей всех окружающих. Но в этом случае неизбежно последуют ответные защитные меры и враждебная реакция, все более широкие и чреватые все более суще-

²⁶ National security strategy. February, 2015. P. 10.

²⁷ The national military strategy of the United States of America. The United States military's contribution to the national security. June, 2015. P. 2.

ственными последствиями. Если инертная реальность американского первенства, которое в настоящее время служит по большей части источником позитивной поддержки, уступит место активному стремлению к мировой гегемонии, это сможет вызвать лишь такой ответ, который всегда вызывали подобные попытки: подпольное сопротивление со стороны слабых и открытую оппозицию со стороны не очень слабых. В настоящее время отсутствие единой антиамериканской коалиции доказывает, что США лишь потенциально являются единственной глобальной сверхдержавой. Ибо мощь державы всегда определяется единственно возможным способом, точным, как лакмусовая бумажка: по тем реакциям, угодливым или враждебным, которые она вызывает²⁸.

По справедливому замечанию все того же Люттвака, все это не означает, что проводимая до сих пор международная политика была во всех отношениях оптимальной, однако указывает, что на пороге полного краха советской системы Вашингтон не смог вовремя остановиться и перешагнул кульминационную точку успеха в возрастании роли США на мировой арене. Вся мировая история чуть ли не со времен падения Рима показывает, что произойдет. Если перейти эту кульминационную точку и превысить пределы того, что другие готовы принять спокойно, в будущем подобная ошибка может увенчаться не дальнейшим ростом могущества или влияния, а их спадом²⁹. Выход за пределы системно приемлемой для других силы в таком случае может спровоцировать сверхпропорциональную реакцию противников. И этот лимит, в свою очередь, снижается по мере самого роста военной мощи, так как соседи становятся подозрительными, бывшие союзники охлаждаются до степени нейтралитета, бывшие нейтралы становятся противниками, а противники чувствуют себя вынужденными преодолеть свои внутренние разногласия и объединить усилия против слишком выросшей военной мощи той или иной страны³⁰.

²⁸ Люттвак Э. Стратегия. Логика войны и мира. М., 2012. С. 326–327.

²⁹ Там же. С. 329.

³⁰ Там же. С. 361.

Внешняя политика США после 1991 г. впадала в многочисленные противоречия по мере расширения НАТО, вплоть до того, что стали предприниматься попытки культивировать дружбу с Россией, тогда как Китай расценивали то как союзника, то как соперника. Лишь в том случае, если бы всякая непоследовательность и всякие противоречия были устранены, США могли бы добиваться последовательных приоритетов в своих отношениях с каждой из стран, в каждом отдельном месте и по каждому вопросу, всякий раз сочетая обещания с угрозами, наказания с приманками, чтобы добиться для себя наибольшей пользы. Действительную мощь США на мировой арене, несомненно, можно было бы увеличить, используя потенциал их нынешнего экономического, технологического, военного и информационного первенства гораздо успешнее, чем это делается сейчас. Иными словами, по предположению Люттвака, США должны были бы стать самой могущественной великой державой во всей истории, обладающей гораздо большим контролем над мировыми событиями, чем тот, о котором любой из их предшественников мог только мечтать. Однако такое распределение не сохранилось бы слишком долго³¹. По всей видимости, именно смутное ощущение, что США в конечном итоге просто не обладают целенаправленной глобальной стратегией, проливает свет на то необычайное спокойствие, с которым почти все правительства в мире смотрят на небывалое военное первенство Соединенных Штатов³².

Тем не менее в столице единственной сверхдержавы непопулярны разговоры о разумности и прагматизме, не допускается мысль, что США могут проиграть войну. Считается непатриотичным сомневаться в том, что успеху и могуществу США есть пределы и что успех не обязательно будет сопутствовать им, особенно в условиях, когда они фактически осуществляют в мире военную экспансию³³.

³¹ Люттвак Э. Стратегия. Логика войны и мира. М., 2012. С. 326.

³² Там же. С. 328.

³³ Шаклеина Т.А. Указ. соч. С. 156–157.

Основная масса недостатков американского военного планирования проявилась на уровне политики и стратегии, а не тактики или оперативных решений. Вместо того чтобы преодолевать исторически характерную для США фундаментальную несогласованность между внешнеполитическими и военно-стратегическими целями, Америка по-прежнему предпочитает полагаться главным образом на свое технологическое превосходство в военной области. Последнее, однако, позволяет выигрывать сражения, но не войны. Великая же держава в первую очередь сильна своей способностью добиться концентрации усилий на важнейшем для себя направлении. Однако в американской политической традиции за военным сословием никогда не признавалось права высказывать свое корпоративное мнение по столь важным политическим вопросам. Военным в лучшем случае отводилась роль технических исполнителей уже принятых решений. Поэтому на страницах доктринальных документов значительное место отводится оперативно-тактическим и технологическим проблемам, а также чисто техническим вопросам военного строительства.

От вооруженных сил США ожидается, что они будут гибкими, динамичными и быстро приспосабливающимися к изменяющейся обстановке, однако американская армия еще не полностью восстановила свою боеспособность, подорванную непрерывающимся участием в боевых действиях начиная с 2001 г. и сокращением финансирования в последние годы. Бригады и батальоны сухопутных войск, привлеченные к боевым операциям на территории оккупированного Ирака и Афганистана, длительное время не могли проводить систематической и полноценной тактической подготовки, поскольку нормальный годичный цикл боевой учебы может проходить лишь в ограниченном количестве стационарных тренировочных лагерей, в основном расположенных на территории США. Кроме того, длительные боевые действия вызвали значительный износ техники. Немалая ее часть выработала свой ресурс и нуждается в капитальном ремонте или замене.

Эта мысль, хотя она и закамуфлирована в тексте рядом туманных фраз, может быть выделена вполне отчетливо. «Мы осуществляем оптимальное планирование с учетом ресурсов и информации, — гласит новейшая американская доктрина. — Долгое время мы „потребляли“ свою боеготовность столь же быстро, как и формировали ее. В результате произошел спад в нашей долгосрочной готовности. Поэтому мы принимаем меры для того, чтобы найти и сохранить оптимальный баланс между достижением оперативных целей и поддержанием боеготового пополнения у себя дома»³⁴.

Много говорится и пишется о необходимости поддержания технологического превосходства над потенциальными противниками, а также обеспечения высоких стандартов профессионального отбора и боевой подготовки военнослужащих.

«Нашей нации, — указывается в «Четырехлетнем прогнозе министерства обороны США» от 2014 г., — нужны такие вооруженные силы, которые обладают силами, средствами, способностями и готовностью для того, чтобы одновременно защищать территорию страны, проводить продолжительные и многочисленные контртеррористические операции, сдерживать агрессию сразу в нескольких районах, а также давать гарантии защиты союзникам посредством передового военного присутствия и сотрудничества с ними. Если политика сдерживания потерпит неудачу, наши вооруженные силы в любой момент смогут разгромить регионального противника в ходе крупномасштабной и поэтапной военной кампании, одновременно не давая добиться своих целей другому агрессору в другом регионе — или вынуждая его нести неприемлемые затраты»³⁵. Называя вещи своими именами, в данном фрагменте мы снова имеем дело с очередным набором взаимоисключающих устремлений, поскольку стратегия не может быть внятно сформулирована в политическом вакууме, а также без признанных военных целей.

³⁴ The national military strategy of the United States of America. The United States military's contribution to the national security. June, 2015. P. 15.

³⁵ Ibid. P. 6. См. также: The 2014 quadrennial defense review (QDR) and defense strategy: Issues for Congress. February 24, 2014.

Вооруженные силы США, как показывает практика, не обладают эффективным механизмом закрепления того во многом уникального опыта борьбы с организованным террористическим подпольем, который дорогой ценой был накоплен в Ираке и Афганистане в течение последних 15 лет. Система прохождения личным составом службы в рядах регулярной армии и национальной гвардии построена в США таким образом, что сухопутные войска рискуют растерять более половины носителей практического боевого опыта уже в ближайшие пять лет³⁶. При таком раскладе на следующей войне «низкой интенсивности» американцам многому опять придется учиться с нуля.

Как и после окончания Вьетнамской войны 1964–1973 гг., американское командование проявляет склонность воспринимать контрпартизанские операции как некое отклонение от нормы. В соответствии с данной логикой, вместо целенаправленной подготовки вооруженных сил к борьбе с иррегулярным противником в рамках боевых операций низкой интенсивности предполагается в принципе избегать вовлечения армии в операции такого типа³⁷.

Когда огромное военное превосходство сочетается с огромным дипломатическим превосходством, не остается места для сомнений в исходе войны, и не так уж много места остается для стратегии. И кампания 1991 г. против Ирака, и кампания 1999 г. против Югославии требовали решения не столько боевых, сколько управленческих задач и логистических проблем, поскольку не способный на организованное сопротивление противник в большинстве случаев выступал лишь в виде совокупности мишеней³⁸.

Однако даже короткая и победоносная кампания 2003 г. оставила после себя целый ряд вопросов. С одной стороны, организация боевого взаимодействия сухопутных войск и авиации была построена исключительно эффективно. Отлич-

³⁶ O'Connell C., Wenger J.W., Hansen M.L. Measuring and retaining the U.S. Army's deployment experience. RAND Corporation. Santa Monica, 2014. P. 13.

³⁷ Robinson L., Miller P.D., Gordon IV J., Decker J., Schwillie M., Cohen R.S. Improving strategic competence. Lessons from 13 years of war. RAND Corporation. Santa Monica, 2014. P. 85.

³⁸ Люттвак Э. Стратегия. Логика войны и мира. М., 2012. С. 320. Он же. Стратегия Византийской империи. М., 2010. С. 582.

но работала так называемая Blue force tracker system — цифровая тактическая система, отвечавшая за идентификацию своих войск на поле боя с целью недопущения дружественного огня. Однако, с другой стороны, разведка на уровне дивизии и ниже работала в лучшем случае посредственно.

В Первую войну в Заливе на уровне стратегии театра военных действий вторжение войск Саддама Хусейна в Кувейт 2 августа 1990 г. стало большим сюрпризом для США, несмотря на то, что на тот момент Америка обладала самой многочисленной в мире орбитальной группировкой³⁹. В 1999 г., когда США вели войну против Сербии, нехватка разведывательных средств военно-воздушных сил, в том числе беспилотных летательных аппаратов, также ощущалась весьма остро⁴⁰.

В ходе Второй войны в Заливе на уровне стратегии театра военных действий инициативой полностью владели американцы, но на оперативно-тактическом уровне, несмотря на насыщенность разведки современными цифровыми и радиоэлектронными техническими средствами, в ходе марша на Багдад американские строевые командиры, возглавлявшие батальонные и бригадные боевые группы, имели перед своими глазами практически такой же густой «туман войны», как и их деды в годы Второй мировой войны⁴¹. Единственная крупная иракская контратака, осуществленная в ночь на 3 апреля 2003 г. во время форсирования Евфрата против американского плацдарма у Мусайиба, оказалась для командования наступавшей на Багдад 3-й механизированной дивизии практически полной тактической неожиданностью⁴². Лишь полное господство ВВС США в воздухе наряду с высокой боевой эффективностью тяжелой американкой бронетехники позволило компенсировать недостатки в работе разведки, избежав тяжелых потерь на поле боя⁴³.

³⁹ Люттвак Э. Стратегия. Логика войны и мира. М., 2012. С. 164.

⁴⁰ Там же. С. 324.

⁴¹ Robinson L., Miller P.D., Gordon IV J., Decker J., Schwillie M., Cohen R.S. Op. cit. P. 25.

⁴² Fontenot G., Degen E.J., Tohn D. On Point. The United States Army in operation Iraqi Freedom. Fort Leavenworth, 2004. P. 294–295, 326.

⁴³ Pirnie B. Everybody wanted tanks. Heavy forces in operation «Iraqi freedom» // Joint Forces Quarterly, 2005. Issue 39. P. 84–90.

Строго говоря, существенного «облегчения» техники сухопутных войск, которое неоднократно предсказывалось теоретиками так называемой сетецентрической войны, так и не последовало. Высокотехнологичные боевые и тактические системы, ориентированные на «сетецентрическую войну» против регулярного противника, во многом стали бесполезными, когда стремительная общевойсковая фаза операции сменилась на затяжную контрпартизанскую. Оккупационные войска коалиции в Ираке и Афганистане явно предпочитали использовать более тяжелую технику, максимально устойчивую к подрывам на минах и фугасах⁴⁴.

«Если бы американская армия, — горько иронизировал по этому поводу современный военный историк Х.Строн, — в годы Второй мировой войны адаптировалась к изменяющейся обстановке так же медленно, как сегодня, то война окончилась бы прежде завершения процесса адаптации»⁴⁵.

Стремление вооруженных сил готовиться одновременно и к большим конвенционным войнам, и к направленным на поддержку ближайших региональных союзников операциям сдерживания через устрашение на фоне пресловутой борьбы с международным терроризмом — все это в совокупности приводит к опасному распылению усилий. Полноценная подготовка ко всем вышеперечисленным вызовам, по сути, неподъемна даже для американской военной машины, несмотря на все те колоссальные ресурсы, что находятся в ее распоряжении. Невозможно одновременно и адаптировать армию к ведению противопартизанских операций, и сохранять ее способность эффективно действовать против регулярного противника в составе крупных общевойсковых группировок на удаленных периферийных театрах. Нельзя быть сильным везде одновременно. Настойчивая же попытка параллельного движения одновременно к нескольким амбициозным целям в конечном итоге таит в себе риск не достичь ни одной из них.

⁴⁴ Robinson L., Miller P.D., Gordon IV J., Decker J., Schwille M., Cohen R.S. Op. cit. P. 25.

⁴⁵ Ibid. P. 87.

Библиография

1. Б.а. Угрозы // Зарубежное военное обозрение, 2015. № 7.
2. Барабанов М., Макиенко К., Пухов Р. Военная реформа: На пути к новому облику российской армии. Аналитический доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2012.
3. Люттвак Э. Стратегия Византийской империи. М., 2010.
4. Люттвак Э. Стратегия. Логика войны и мира. М., 2012.
5. Маначинский А.Я., Дудчак А.В. Военный потенциал Китая. Центр стратегической конъюнктуры. М., 2015.
6. Молчанов Г. Военно-политическая обстановка в различных регионах мира // Зарубежное военное обозрение, 2015. № 1.
7. Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике. М., 2012.
8. Corum J.S. The roots of blitzkrieg: Hans von Seeckt and German military reform. University Press of Kansas, 1994.
9. Kelly T.K., Dobbins J., Shlapak D.A., Gompert D.C., Heginbotham E., Chalk P., Thrall L. The U.S. Army and Asia, 2030–2040. RAND Corporation. Santa Monica, 2014.
10. National security strategy. February, 2015.
11. O'Connell C., Wenger J.W., Hansen M.L. Measuring and retaining the U.S. Army's deployment experience. RAND Corporation. Santa Monica, 2014.
12. Obama. The Vox Conversation. Part II. Foreign Policy // <http://www.vox.com/a/barack-obama-interview-vox-conversation/obama-foreign-policy-transcript>.
13. Pirnie B. Everybody wanted tanks. Heavy forces in operation «Iraqi freedom» // Joint Forces Quarterly, 2005. Issue 39.
14. Robinson L., Miller P.D., Gordon IV J., Decker J., Schuille M., Cohen R.S. Improving strategic competence. Lessons from 13 years of war. RAND Corporation. Santa Monica, 2014.
15. The 2014 quadrennial defense review (QDR) and defense strategy: Issues for Congress. February 24, 2014.
16. The national military strategy of the United States of America. The United States military's contribution to the national security. June, 2015.